

"ХОРОШО бы еще к этому корпусу приставить голову», — сказала как-то М. В. Миронова о корпусе народных депутатов, и теперь эта шутка стала народной. Ее любят спрашивать о политике, и она охотно говорит о ситуации в стране, о спикере и представителях разных партий, отпуская едкие шуточки на их счет. Ее собеседников — я понимаю — привлекают оригинальные мысли, независимость суждений, ироничность, которые она пронесла через всю свою долгую жизнь.

— Мария Владимировна, прошу, ни слова о политике.

— Не могу, я очень политизирована. Даже чересчур. Вот — еще газеты не читаны.

— Тогда ответьте на вопрос: кем вы себя считаете — актрисой, пенсионеркой или политическим деятелем?

— Я — дама. А поскольку я дама, значит, должна быть немножечко дамой «de mode». Как-то мне сказала мадам Трубецкая в Париже, в доме «Кристиан Диор»: «Дама никогда не идет за модой. Мода сама приходит к ней». В двадцатые годы все ходили в юбках до пупа. А у меня всегда была одна длина — 70 сантиметров.

— А вы можете сказать, что были самой счастливой женщиной?

— Да, могу. Александр Семенович Менакер приехал в Москву уже известным гастролером, выступал на самых престижных площадках. Он великолепно исполнял музыкальные фельетоны, блестя-

АНТРАКТ БАРЫНЯ СО СТАРОГО АРБАТА

Москва, Комсомольская — 1993 —
Зима

Рассказ Марии

ще играл на рояле. Его имя аршинными буквами печатали на афишах. А мое — еще нет. И представляете, он от всего отказался ради меня. Его мечтой было создать для меня театр. И он его создал. Обычно говорили — Миронова — Менакер. А для меня было так — Менакер — Миронова. Вот скажите, знаете ли вы такую артистическую пару, где актер сознательно отошел бы на второй план и работал, и жил только для своей жены, актрисы? И я вот не знаю... Он был рыцарь.

— Как рыцарь, он, наверное, совершал какие-то безумные, необычные поступки? — А разве то, о чем я сказала, не безумство?.. Он мне всегда дарил цветы. И Андрей дарил цветы, потому что вырос в семье, где дарили цветы. Не восьмого марта, а всегда...

Александр Семенович любил и умел красиво жить. Скажем, из Парижа, где мы работали сорок пять дней в театре «Олимпия» у Кокатрикаса, мы могли бы привезти машину «Волга», например. Но мы жили в свое удовольствие: ходили в Лувр, ездили в Версаль, в Сен-Жермен, обедали в дорогих ресторанах. Если Александр Семенович покупал сахар, то покупал его только у «Фашона» — в самом дорогом магазине. И когда швейцар в гостинице, в которой мы жили, увидел у него в руках яркую упаковку от «Фашона», он стал к нам иначе относиться.

Мы, знаете ли, были не настолько богаты, чтобы покупать дешевые вещи. На Больших бульварах я купила себе туфли, а у «Андре» на эти деньги я могла бы купить себе пять пар. Но зато, когда мы вечером пришли на спектакль, Кокатрикс подошел ко мне и сказал: «Мадам, я благодарю вас за то, что вы купили себе обувь в той же фирме, где одевается моя семья».

— Замашки у вас, скажу я вам... — Барские, я знаю. А я барыня. И это неважно, что я мою пол. И сейчас перед нашим приходом вымыла ванну, стираю. Я барыня, потому что воспитана на хорошем и люблю все хорошее, качественное, дорогое. Дорогое — не в смысле хрусталя в серебре, а... да вот этого глиняного ангела я купила в антикварном магазине в Нью-Йорке за девяносто долларов. И все говорили, что я сошла с ума. А он мне нравится. Я люблю, чтобы у меня была удобная обувь, красивое пальто....

— Трудно здесь жить с такими привычками. А почему вы из России не уехали? — А не уехали, намерено, потому, что мы очень русские. Я не верю, что мой отец, моя мать могли бы уехать. Скажите, а куда бы мы дели вот этот бубет? По нему, со створки на створку, учились ходить моя бабушка, моя мама, я, Андрей! Чтобы принести его в эту квартиру, рабочие кусок от него отпиливали. Отпилили и внесли. Как бы мы без него жили?

— И работать барыня пошла... — Я не рассказывала вам, какой у меня вышел разговор с пенсионным отделом? В общем, я решила выяснить, какая пенсия мне положена. И тогда я туда позвонила.

— Извините, — сказала я — я знаю, что это не полагается, но я хочу узнать, какую же мне все-таки положили пенсию?

— Какой у вас стаж? — Шестьдесят восемь лет... — Я не спрашиваю, сколько вам лет. Стаж какой?

— Шестьдесят восемь лет. Длинная пауза.

— Нам надо сорок.

— А остальные двадцать восемь куда девать?

— Ну это уже ваши проблемы...

Потом наш друг профессор Матвей Ашеровский пошел и выяснил, что мне дали восемь с половиной тысяч. Но сейчас все время пересчитывают.

— Если спрошу — хватает ли этих денег — глупо...

— Не глупо, уверяю вас, будет остроумно. А я себе ни в чем не отказываю. У меня такие маленькие потребности. Я ведь живу, как студент. Вот мне вчера принесли сало. Я люблю его есть с черным хлебом и чесноком. Лучше еды нет на свете. Рыбы жареной обещали прислать из ресторана Дома актера. В магазин я почти не хожу.

Очень дорого стоит транспорт. Мне ведь восемьдесят два, и я уже не могу залезать в автобус: очень ступеньки для меня высоки. Значит, я беру такси. Мой самый главный маршрут — на кладбище и обратно. Иногда на два кладбища, потому что Александр Семенович и родители мои лежат на Донском, а Андрюша — на Ваганьковском. Так вот, у меня есть замечательный человек — шофер Валера. Золотой человек. Я подозреваю, что он берет с меня не столько, сколько это сейчас стоит. Но тем не менее это дорогое удовольствие. Приходится кое-что продавать.

— Вы легко расстаетесь с вещами?

— Без сожаления. Но у меня никогда не было ни минуты сожаления о том, что я чего-то лишилась, чего-то у меня нет. Мне совершенно наплевать на это...

Когда Андрюша умер, ставка у него была восемнадцать рублей пятьдесят копеек — за выступление и сто десять рублей за сольный концерт. А концерт — это два отделения и три рубашки мокрые, которые он менял одну за другой. У Андрюши был автомобиль, хорошая аппаратура. Но я знаю, например, что никогда бы он не привез два магнитофона, чтобы один продать, а один оставить себе. Поймите, я никого не осуждаю, время сейчас тяжелое. Но Андрей этих вещей никогда не делал, ему это в голову не приходило. Он лучше себе купил бы лишний костюм. Он обожал хорошо одеваться.

Никогда в жизни он не просил у нас денег. Свою первую квартиру он купил на деньги, которые он заработал на своей первой картине «Три плюс два». И я никогда не просила у него денег.

— Может, это и странно, но мне всегда казалось, что дети должны помогать своим родителям.

— Я бы никогда в жизни не взяла у него ни копейки, потому что Андрюша слишком много работал, и я знаю, насколько он мало зарабатывал. Он делал мне подарки. Он приносил цветы. После каждого спектакля он заезжал ко мне. И в какой бы стране он ни находился, хоть за тридевять земель, он звонил: «Мама, как ты...»

— «Я оплачиваю такси. Я сама...» Вы все делаете самостоятельно и рядом никого?

— А кто мне будет это делать? У меня никого нет, и я ни у кого ничего не прошу...

Но... для меня одиночество — это неприятная тема. Я вам скажу почему. На-

верное, я из странной породы людей. Вот у меня был сын и был муж. И Бог отнял их у меня. И больше у меня никого нет. кого я еще могла бы так любить. Если вы можете это понять, поймите...

— Извините, Мария Владимировна, не хотела вас огорчать. Я меняю тему. Что делает Мария Владимировна Миронова

для того, чтобы не терять интереса к жизни, сохранить острый, язвительный ум и еще изумительное состояние кожи лица?

— Да ничего я не делаю. Вот сегодня встала. Попила кофейку. Наверное, зря попила — давление вот подскочило. Скучно мне никогда не бывает. Выходит тоскливо. Но это другое. Во-первых, есть книги. Во-вторых, есть газеты. Есть товарищи по театру...

— Я так и знала. Но мы уже договорились: о политике — ни слова.

— Я за себя не ручаюсь... Четыре спектакля в месяц играю в театре у Табакова. Хожу в Дом актера, я там общественный директор. Смотрю по телевизору сериалы. Вы это перестаньте — «мыльные оперы». Я не смотрела «Богатых». Но мне нравятся «Никто, кроме тебя», «Моя вторая мама» и особенно «Санта-Барбара». Это ведь то, что нужно людям. Я знаю, что семейная жизнь — это всегда компромисс, что нужно прятать свое самлюбие, если хочешь сложить семью. Но это я знаю. А для людей, которые каждую минуту разводят, — это очень важные фильмы, совсем не «мыльные».

А что же я вам скажу про кожу? Не курила никогда и не запойная, потому что вообще не пью. Как-то обошлась без модной пластической операции. Пудру предпочитаю только рассыпную. Когда я дома, смазываю лицо кремом, потому что кожа старческая, сохнет.

— А вы любите подарки, новые вещи?

— Кто же их не любит? Недавно купила себе норковую шубу. Вообще у меня бартерная жизнь: продала серьги — купила шубу. Потому что дама не должна ходить в потертой шубе — решила я и купила. Еще пальто себе сшила в ателье.

— А о чем вы думаете, когда просыпаетесь?

— Лежу и проверяю: руки-ноги работают, значит, жива. О смерти как-то не думаю. Господь знает, когда и кого забрать. Я верующая, хотя в церковь хожу редко. В пьесе «Норд-ост» я сама себе написала монолог. Это обращение к Богу.

— Такого не было у автора?

— Он был, но, как там написано было, так старый интеллигентный человек не имеет права с Богом разговаривать. Я переписала:

«— Господи, прогневали мы тебя, Господи. Кару не шлешь. Жертвы не прощай. Молчишь и смотришь, будто мы сами во всем виноваты, да так и есть: сами и виноваты. А все с Бога спрашиваем. Что-то мы с самого начала не так сделали, чего-то мы не доглядели. А может, Ты верил слишком. В нас верил. В людей. А мы, видишь, какими оказались. Но ведь мы-то — люди. А ты-то — Бог. Ты все должен был знать наперед. Или не должен. Вот так всегда: или все виноваты, или никто не виноват. А раз все — значит, никто. Значит, что же, каждый сам за себя отвечает. А я вот поклялась Тебе хучу: злые мы стали, жестокие, душевность из нас вытравили...» В общем, я написала то, что думала.

— А есть молитва на ночь?

— Обязательно есть. Я молюсь и смотрю на небо. Там есть одна звезда, планета. Ее открыли еще в 1982 году, но официально свидетельство прислали недавно... Звезда называется «Андрей Миронов». И теперь я знаю, что Андрюша — вечно живой. Во всех учебниках астрономии значится — планета «Андрей Миронов». Кто такой Миронов? Прочтут — артист. Между Юпитером и Марсом Андрюша мой летает. Только Земля обращается вокруг Солнца за год, а Андрюшина звезда за два с половиной. Я смотрю на небо и знаю, что он там. И я радуюсь, что он есть.

Фото Александра ИЗОТОВА.